

ТАЙНЫ КРЕМЛЁВСКОЙ
БОЛЬНИЦЫ

ЯКОВ РАПОПОРТ

«ДЕЛО ВРАЧЕЙ» 1953 ГОДА

ПОКАЗАНИЯ ОБВИНЯЕМОГО

Яков Львович Рапопорт
«Дело врачей» 1953 года.
Показания обвиняемого
Серия «Тайны Кремлевской больницы»

Издательский текст

http://www.litres.ru/pages/biblio_book/?art=23578730

«Дело врачей» 1953 года. Показания обвиняемого: Алгоритм; М.; 2017

ISBN 978-5-906914-55-2

Аннотация

Я.Л. Рапопорт, известный советский ученый-медик, был одним из главных обвиняемых по «делу врачей» 1953 года. Согласно материалам следствия, они убили неправильным лечением ближайшего соратника И.В. Сталина – члена Политбюро ЦК ВКП(б) А.А. Жданова, а также первого секретаря Московского обкома ВКП(б) А.С. Щербакова; кроме того, готовили покушение на самого Сталина. В своей книге Я.Л. Рапопорт подробно рассказывает обо всех обстоятельствах этого дела, говорит о том, как в действительности лечили советских вождей, о Сталине и его окружении, о причинах репрессий против кремлевских медиков. Его рассказ содержит многие подробности, известные только автору, и представляет собой уникальный источник по данной теме.

Содержание

«Врачи-убийцы»	5
«Низкопоклонство перед Западом»	21
Конец ознакомительного фрагмента.	36

Яков Львович Рапопорт «Дело врачей» 1953 года. Показания обвиняемого

© Рапопорт Я.Л., наследники, 2017

© ООО «ТД Алгоритм», 2017

* * *

*Посвящаю моей покойной жене и другу
Софье Яковлевне Рапопорт*

«Врачи-убийцы»

13 января 1953 года весь мир был ошеломлен сообщением, опубликованным в центральных советских газетах и переданным по радио. В этом сообщении мир был информирован о раскрытии в Советском Союзе (главным образом, в Москве) преступной организации крупных работников медицины, совершавших чудовищные преступления: пользуясь доверием своих пациентов, они подло умерщвляли их, назначая заведомо противопоказанные им по характеру заболевания и состоянию здоровья мероприятия, приводившие часто к неизбежной гибели. Их жертвой стали выдающиеся деятели Советского государства – Щербаков, Жданов, крупные военачальники. В эту организацию входили виднейшие представители советской медицины – профессора и академики (в дальнейшем к ним присоединили большую группу врачей, рангом ниже). Их преступная деятельность, которую они осуществляли по заданию разведок капиталистических стран, не ограничивалась умерщвлением пациентов; одновременно они вели шпионскую работу по заданию тех же разведывательных органов. В этом сообщении были названы имена некоторых активных членов преступной организации (М. С. Вовси, Я. Г. Этингер, Б. Б. Коган, М. Б. Коган, А. М. Гринштейн и другие), к ним был присоединен и народный артист СССР и видный общественный

деятель С. М. Михозэл, убитый за несколько лет до этого в Минске наездом неизвестного грузового автомобиля. Автомобиль и его водитель остались необнаруженными.

Идейной платформой этой группы преступной шайки был еврейский буржуазный национализм, вдохновленный связью с американской еврейской организацией «Джойнт», о существовании которой, как впоследствии выяснилось, многие из привлеченных по этому делу не подозревали и даже не знали такого названия.

Все сообщение имело яркую антиеврейскую направленность.

Помимо террористической организации еврейских буржуазных националистов, был арестован по аналогичному обвинению до этого сообщения и после него ряд крупных ученых медиков нееврейской национальности (В. Н. Виноградов, В. Х. Василенко, В. Ф. Зеленин, Б. С. Преображенский, М. Н. Егоров и другие), а еврейская группа была дополнительно укомплектована профессорами И. А. Шерешевским, М. Я. Серейским, Я. С. Темкиным, Э. М. Гельштейном, Б. И. Збарским, М. И. Певзнером, И. И. Фейгелем, В. Е. Незлиным, Н. Л. Вильком, автором этих строк и многими другими. Некоторые из них умерли до организации этого дела и до сообщения о нем и были «арестованы» посмертно (М. Б. Коган и М. И. Певзнер, а Я. Г. Этингер, арестованный в 1950 году, умер в тюрьме до его включения в список «извергов рода человеческого»).

Само сообщение 13 января об аресте большой группы медиков не было неожиданным. Аресты начались с ноября-декабря 1952 года; имена арестованных и число их не могло быть секретом для широких кругов населения Москвы и крупнейших центров.

Групповые аресты специалистов по профессиональному признаку не были новостью для советских граждан. Наряду с арестами, больших масс населения преимущественно из интеллигентной среды без профессионального разбора, были аресты групп, дифференцированные по их специальностям (инженеры, строители, военные, геологи, работники сельского хозяйства и т. д. и общественно-политические деятели). Из них формировались в недрах ГПУ – МГБ специализированные заговорщицкие группы с последующим физическим истреблением по приговорам открытого или – чаще – закрытого суда.

Неожиданностью был чудовищный характер обвинения большой массы медиков, к тому же известных клиницистов с большой профессиональной популярностью.

* * *

В уголовной истории советской страны уже были известны случаи аналогичных обвинений врачей, но они касались отдельных представителей врачебного сословия. В хронологическом порядке этот вид уголовной хроники, по-видимо-

му, открыл хирург доктор Холин. Он внезапно исчез в конце двадцатых годов, и было совершенно непонятно, за что он арестован, какое преступление он мог совершить. По просочившимся слухам (они в основном подтверждались) передавали, что он был арестован в связи с операцией, произведенной М. В. Фрунзе. Об этой операции по поводу язвы двенадцатиперстной кишки ходили слухи, что она была произведена по настоянию Сталина. 31 октября 1925 года через двое суток после операции, произведенной крупнейшими хирургами во главе с профессором И. И. Грековым, М. В. Фрунзе скончался. В этих слухах был намек на то, что Сталин был заинтересован в операции и ее роковом исходе, и эта версия была использована в качестве сюжета для литературного произведения известного писателя Б. Пильняка «Повесть о непогашенной луне».

Вероятно, именно эта повесть стоила Б. Пильняку жизни. В разгар репрессий 1937 года он был арестован, обвинен в шпионаже в пользу Японии (он был в Японии и свои впечатления о поездке отразил в книге «Корни японского солнца») и расстрелян. Циркулировавшие непосредственно после смерти Фрунзе версии о сомнениях в необходимости операции с последовавшим смертельным исходом ее, по видимому, все же достигли высших сфер, поскольку через несколько дней после похорон Фрунзе профессор И. И. Греков выступил в печати с путаными разъяснениями об обстоятельствах операции и смерти. В них он оправдывал необ-

ходимость операции и утверждал наличие показаний к ней, а смертельный исход объяснял (крайне невразумительно), главным образом, общим отягощающим фоном организма М. В. Фрунзе.

Многие из циркулировавших версий о причине смерти М. В. Фрунзе (особенно – версия о смерти от хлороформного наркоза) могут иметь правомерное медицинское основание. Следует при этом категорически отвергнуть мысль о заведомо криминальных действиях хирургов – известных уважаемых ученых. В настоящее время, по-видимому, придется удовлетвориться официальными материалами 1925 года с свидетельством современников о смерти Фрунзе; расчеты на другие источники, вероятно, лишены надежды. Какие-либо сведения о роли Холина в операции Фрунзе отсутствуют. Если его арест имел какое-либо отношение к этой роли, то наиболее вероятно предположение, что он нужен был «органам», только как источник для криминального «досье» на оперировавших хирургов, на всякий случай – авось понадобится.

Такие «досье» были в практике ГПУ – МГБ. В них арестованными и признавшими свою вину были второстепенные участники «преступлений», а основные даже не подозревали об участии в них и продолжали трудиться, часто – в почете. Нередко такие «досье» оставались «вещью в себе», без употребления за отсутствием подходящей ситуации.

Приведу известный мне такой «парадокс» сталинской

эпохи.

Во 2-м Московском медицинском институте клиникой факультетской хирургии в течение многих лет (1926–1943) заведовал известный хирург-профессор, а впоследствии академик – С. И. Спасокукоцкий. В числе его ассистентов был некий доктор Арутюнов. В 1938 году он был арестован органами ГПУ и, как всегда, исчез бесследно. Причина ареста, тоже как всегда, оставалась неизвестной. Эпизод этот вскоре был забыт как не представлявший чего-либо необычного для того времени, да и ранг исчезнувшего не способствовал долгому сохранению памяти о нем и интереса к нему. Неожиданно в 1940 году партийная организация института (Арутюнов был, кажется, членом КПСС) получила письмо от Арутюнова, написанное на листке ученической тетради и присланное, по-видимому, кем-то, освобожденным из заключения, по просьбе его «односидельца» – Арутюнова. В этом письме Арутюнов писал, что он осужден на 10 лет за участие в контрреволюционной организации, возглавлявшейся Спасокукоцким, в которую тот его вовлек. Далее он писал, что был уверен, что Спасокукоцкий расстрелян (по-видимому, на следствии Арутюнов все признал), раз он, только сообщник главаря организации, осужден на 10 лет. Случайно в концлагере в его руки попал клочок газеты с указом Президиума Верховного Совета о награждении профессора Спасокукоцкого орденом Ленина, и что, следовательно, он не только не расстрелян, но жив, здоров и пользуется

ся благосклонностью Советского правительства (в дальнейшем был избран в Академию наук СССР). В связи с этим Арутюнов просит партийную организацию института ходатайствовать о его освобождении, как невинно осужденного. Его просьба осталась без последствий, никто не решился вступить в конфликт с ГПУ – МГБ, т. к. сомнения в обоснованности ареста в то время уже были преступлением против непогрешимости ГПУ, а передача письма в судебные органы могла вызвать ухудшение в судьбе осужденного.

* * *

Дело Арутюнова и дело Холина разделяет промежуток времени почти в 10 лет. Но принципиальная общность обоих дел убеждает в постоянстве ранее созданных приемов деятельности «органов». Остается загадкой целевая направленность этих приемов в подобных случаях, т. е. законспирированная политическая дискредитация «шефов» через второстепенных мнимых соучастников их преступлений. Весьма вероятно, что такой целью является формирование готовых «досье» на шефов про запас, на всякий случай, – вдруг понадобятся.

«Стукачи» для этой цели менее пригодны, они все же должны «настукивать» более или менее реальные факты или собирать их по целевому заданию. Более убедительны признания арестованных, каким бы путем они ни были получе-

ны.

Может быть, Спасокукоцкий был недоволен Арутюновым, кому-нибудь высказал без всякой задней мысли свое недовольство, и подлая, но всесильная угодливость освободила профессора от нежелательного сотрудника (Спасокукоцкий как хирург пользовался большой популярностью в «сферах»).

Холин был, по-видимому, «первой ласточкой» в использовании врачебной профессии для политических целей и первой их жертвой. Одна из последующих «ласточек» поразила неожиданностью. Речь идет о докторе И. Н. Казакове, невежественном, но предприимчивом враче, нашумевшем в 30-х годах, авторе так называемой лизатотерапии как универсального метода в профилактике возрастных человеческих немощей, как панацеи при лечении различных заболеваний. Научной предпосылкой метода являлось представление о решающей роли нарушения функции желез внутренней секреции в разнообразной патологии человека. В частности, это относилось к половой сфере, к угасанию ее активности, что особенно волновало входящих в возраст и усталых от бурной жизни крупных политических деятелей. Для восстановления нарушенной функции желез внутренней секреции больному вводился лизат соответствующей железы (препарат, в котором содержался продукт этой железы); предварительно определялся «эндокринный профиль» пациента, т. е. схема состояния его желез внутренней секре-

ции, нуждающихся в коррекции.

Контингент потребителей лизатотерапии был избранный. Это была верхушка советского общества – крупные администраторы, политические деятели, крупные военные и т. д. Казакову был создан специальный научный институт; Институт был на исключительном положении в отношении доступа в него в качестве пациентов, роскоши обстановки, питания и т. д., а сам Казаков был фигурой, недостижимой для нормальной научной критики, с универсальной индульгенцией от высоких органов и лиц.

Н. А. Розенель (актриса, жена наркома А. В. Луначарского) в своей книге «Память сердца» пишет о том, как к тяжелобольному и вскоре умершему в начале 30-х годов А. В. Луначарскому (соратнику Ленина и первому наркому просвещения) пришли его друзья, крупные политические деятели, в том числе – нарком по иностранным делам М. М. Литвинов, с настойчивой рекомендацией воспользоваться услугами Казакова как врача-чудодея. Они ссылались на личный опыт испытания на себе его врачебного мастерства. Казаков жаловался им, что лечащие врачи не допускают его к Луначарскому, хотя он вылечил бы его в кратчайший срок. Луначарский принял их рекомендацию, и Казаков включился в его лечение своими методами. Вскоре, однако, он был уличен в прямом жульничестве и поспешил жульническим манером самоустраниться от лечения Луначарского, безрезультатность которого к тому же стала очевидна.

Зная об отношении к Казакову в «высших сферах», я был чрезвычайно удивлен рассказом А. И. Абрикосова, производившего в 1934 году вскрытие трупа В. Р. Менжинского, председателя ОГПУ, об одном эпизоде при вскрытии.

Присутствовавший при вскрытии крупный работник ГПУ обратился к Абрикосову со словами: «Посмотрите внимательно, не найдете ли вы в теле Менжинского следов действия казаковского зелья?» А. И. Абрикосова удивила не только наивность такого предложения с точки зрения возможностей патологической анатомии, но и контекст, в котором был упомянут Казаков, находившийся в то время в зените своей славы. По-видимому, над его головой уже был занесен меч ОГПУ, опустившийся четыре года спустя. Значит, версия о злодействе медицинских работников уже была в стадии активного созревания и достигла зрелости в процессе 1938 года по умерщвлению врачами сына А. М. Горького, самого Горького, Менжинского и др. В результате этого процесса были расстреляны в числе других доктор Л. Г. Левин (врач кремлевской больницы) и И. Н. Казаков; осужден на длительное заключение и погибший в нем профессор Д. Д. Плетнев. О смерти самого Менжинского в его биографии (БСЭ. Большая Советская Энциклопедия, 2-е изд., т. 27) сказано: «В. Р. Менжинский погиб на боевом посту. Он был злодейски умерщвлен по заданию главарей антисоветского контрреволюционного «правотроцкистского блока». Версия об участии врачей в умерщвлении Горького, зафиксирован-

ная в приговоре суда и открыто не опровергнутая, существовала и поддерживалась даже спустя долгое время после ликвидации «дела врачей». Трудно было дуракам и мерзавцам с ней расстаться, о чем может свидетельствовать следующий эпизод.

В 1967 или 1968 году (т. е. спустя 30 лет после процесса об умерщвлении Горького) мы с женой отдыхали в санатории «Форос» ЦК КПСС в Крыму. В этом санатории был культработником, т. е. организатором «культурных мероприятий», молодой парень, член КПСС, глупый, самовлюбленный пижон. Однажды он повел группу отдыхающих на экскурсию в соседний санаторий «Тессели», бывший резиденцией Горького. Щеголяя своей осведомленностью об обстоятельствах смерти Горького, он показал кучу булыжников, которую врачи, лечившие Горького, якобы заставляли его перетаскивать с места на место под видом физического упражнения, чтобы вызвать его преждевременную смерть. Этот молодой болван передавал легенду, основанную на материалах суда 1938 года, вошедших во 2-е издание Большой Советской Энциклопедии (см. биографии Горького и Менжинского), не дезавуированных открыто, по крайней мере в части, касающейся злодеяний медиков. С мистическим ужасом взирали зрители на кучу камней, которых касались мученические руки Горького, направляемые на них «убийцами в белых халатах».

Таким образом, единицы врачей-злодеев 30-х годов расплодились к 50-м годам в большую организацию из многих

десятков виднейших деятелей медицины, а все событие вошло в историю под названием «дело врачей». Оно, как это видно, имело предшественников и не возникло, как *Deus ex machina*, как какой-то эксцесс природы, как метеор из далекого чуждого мира, ворвавшийся в атмосферу нашей планеты. Оно готовилось всей природой сталинской империи, и атмосфера для него готовилась и накаливалась в течение многих лет. Почему злая судьба постигла трех врачей из большой массы их в СССР? Попытаемся дать ответ на этот вопрос, по крайней мере в отношении Л. Г. Левина и Д. Д. Плетнева. Л. Г. Левин, руководящий работник кремлевской больницы, был образованный специалист, соавтор Д. Д. Плетнева в изданном ими руководстве по внутренним болезням для студентов и врачей, пользовавшемся популярностью в течение ряда лет. В «награду» за признание на следствии участия в «умерщвлении» А. М. Горького и его сына Левин мог передавать из заключения короткие записки. В них эзоповским языком он писал об общих условиях пребывания в тюрьме, об инкриминируемом ему преступлении, сознанию в котором его вынудили угрозой расправы с семьей. Для спасения ее он на это пошел.

Старший сын Л. Г. Левина работал в Наркоминделе. Его не было в Москве в момент ареста отца. По срочном возвращении в Москву спустя два дня он написал В. М. Молотову письмо, в котором просил его вмешаться в это «недоразумение», поскольку В. М. Молотов хорошо знал отца и имел

с ним контакты не только в служебных отношениях, но и в личных дружеских связях.

Письмо это он сам передал в ЦК КПСС, и ответом на него был его арест в ту же ночь с последующим исчезновением из жизни. Семья Левиных много лет была в убеждении, что это письмо не дошло до Молотова. Однако его увидели в деле по посмертной реабилитации. Письмо до Молотова дошло, как об этом свидетельствовал автограф на нем Молотова следующего содержания: «Почему этот „профессор» еще в НКВД, а не в НКВД». Каламбур палача у плахи!

Конечно, он получил директивное значение. Участие профессора Д. Д. Плетнева в «умерщвлении» Горького и его сына было воспринято советской, особенно медицинской, общественностью, казалось бы, уже привыкшей к острым блюдам 1937 года, как мрачная сенсация. Д. Д. Плетнев пользовался огромной популярностью, как образованный клиницист с большим врачебным опытом и как ученый, принятый в высших этажах советского руководства. Подлинные причины его ареста и осуждения (он был осужден на 25 лет и умер в заключении накануне «дела врачей») не были известны, вероятно, и ему самому. Строились разные догадки. При той популярности, которую имел Д. Д. Плетнев, организаторы большого процесса сочли, по-видимому, необходимой предварительную общественную дискредитацию его, как человека, способного на аморальные поступки. Форма этой дискредитации была на уровне культуры и грязной фантазии авто-

ров ее.

* * *

Подобно грому из ясного неба, вдруг в центральных газетах в 1939 году (в том числе и в «Правде») во всю ширину полосы появился гигантский заголовок: «Проклятие тебе, насильник, садист!» Под этим кричащим заголовком была статья (государственной важности!), посвященная аморальным действиям профессора П. К нему на прием в качестве больной пришла гражданка Б., и профессор П. в припадке бешеной страсти (ему уже было за 60 лет!), вместо оказания гр-ке Б. необходимой помощи врачебным искусством, искусал ей грудь и нанес ей этим тяжелую физическую и моральную травму. Я знал эту гр-ку Б.

Она была репортером одной из московских газет (кажется, «Труд») и иногда приходила ко мне, как проректору по научной и учебной работе 2-го Московского медицинского института, за какой-нибудь информацией. Внешность ее отнюдь не вызывала никаких сексуальных эмоций и даже не ассоциировалась с такой возможностью. Это была женщина лет сорока, с удивительно непривлекательной и неопрятной внешностью. Длинная, какая-то затрепанная юбка, башмаки на низком стоптанном каблуке; выше среднего роста, брюнетка сального вида, с неопрятными космами плохо причесанных волос; пухлое, смуглое лицо с толстыми губами.

Один вид ее вызывал желание поскорее освободиться от ее присутствия. И вдруг оказалось, что она – это и есть г-ка Б., девственная жертва похоти профессора П., «насильника, садиста!».

Узнав об этом, я говорил, что кусать ее можно было только в целях самозащиты, когда другие средства самообороны от нее были исчерпаны или недоступны. Тем не менее профессор П. был судим за этот «варварский» поступок и за нанесение увечий и осужден на 2 года.

Ответ на поставленный выше вопрос восходит к тайнам гибели в 1932 году Н. С. Аллилуевой, жены Сталина. Известно, что она покончила жизнь самоубийством выстрелом себе в висок. Была попытка скрыть эту явную причину смерти даже заменой при похоронах обычной прически Н. С. Аллилуевой зачесом на висок для маскировки огнестрельной раны. Официальной версией была смерть от аппендицита, неуклюже неправдоподобной даже для непосвященных.

Посвященными в истинную причину смерти были А. Ю. Канель – главный врач кремлевской больницы, Л. Г. Левин и профессор Д. Д. Плетнев. Аллилуеву видели накануне трагедии без всяких признаков аппендицита, а утром она была обнаружена мертвой в постели с огнестрельной раной в виске и лежащим около трупа пистолетом. Всем им было предложено подписать бюллетень о смерти от аппендицита, от чего они все трое категорически отказались. Бюллетень был подписан другими врачами. Сталин не забыл этого отказа, и его

злой мести была версия «умерщвления» А. М. Горького Плетневым и Левиным. А. Ю. Канель умерла в 1936 году от менингита, иначе она, конечно, разделила бы судьбу «убийц» Горького.

В чем была провинность И. Н. Казакова, остается тайной. Казаков, как отмечалось выше, был принят в высших этажах сталинского общества, знал многие из его тайн и мог быть нескромным. Это, возможно, привлекло к нему внимание органов государственной безопасности, и, как выше отмечалось, он давно был у них на прицеле.

«Низкопоклонство перед Западом»

Длительно накаливалась и подготавливалась антисемитская направленность «дела врачей», и психологической подготовкой к нему была так называемая борьба с космополитизмом, открытая в 1948 году редакционными статьями в газетах «Правда» и «Культура и жизнь». В этих статьях раскрывалась вредительская деятельность литературных, музыкальных и театральных критиков, по преимуществу еврейской национальности, якобы шельмовавших в своих критических статьях произведения русских писателей, поэтов, драматургов и одновременно прославлявших чуждые русскому и вообще советскому человеку произведения. В этих статьях, посвященных этим критикам, они именовались безродными космополитами, которым чуждо было все русское и советское, которое они беззастенчиво оплевывали.

Статьи эти, разумеется, получили широкий резонанс частью со стороны обиженных критикой, частью со стороны услужливых и служащих лиц и организаций. Для характеристики такого резонанса можно привести короткий отчет о партийном собрании Союза советских писателей, опубликованный в газете «Правда» 11 февраля 1949 года под названием «Об одной антипатриотической группе театральных критиков». Докладчиком на этом собрании выступил секретарь правления Союза писателей А. Софронов. Он гово-

рил: «Группа оголтелых, злонамеренных космополитов, людей без рода и племени, торгашей и бессовестных дельцов от театральной критики, подверглась сокрушительному разгрому в редакционных статьях газет „Правда» и „Культура и жизнь». Эта антипатриотическая группа в течение долгого времени делала свое антинародное дело. Выросшие на гнилых дрожжах буржуазного космополитизма, декаданса (?) и формализма, критики-космополиты нанесли немалый вред советской литературе и советскому искусству – они хулигански охаивали и злобно клеветали на все то новое, передовое, все лучшее, что появлялось в советской литературе и советском театре...» Далее:

«Юзовский, Гурвич, Борщаговский, Бояджиев, Альтман, Варшавский, Малюгин, Холодов и другие космополиты-антипатриоты приветствовали идеологию буржуазного Запада. Холопствовавшие перед буржуазной культурой, они отравляли здоровую атмосферу советского искусства зловонием буржуазного ура-космополитизма (?!), эстетства и барского снобизма (?!)». Далее идет конкретное разоблачение их деятельности. Например, они критиковали такие патриотические пьесы, как «Великая сила» Ромашова и «Зеленая улица» А. Сурова. Надо сказать, что эти спектакли шли в Малом театре при почти пустом зале, хотя билеты распределялись бесплатно в учреждениях и предприятиях, и бывали случаи, когда администратор театра обращался к публике с просьбой от имени артистов занять ближайšie к сцене ряды, т. к. ар-

тистам трудно играть перед пустым залом. Критик Альтман в докладе Софронова подвергся уничтожающей характеристике, в частности, за то, что он «постановку пьесы «Принцесса Турандот» считал знаменем искусства» (это значение спектакля подтверждено всей последующей историей театрального искусства).

Уничтожающей критике подвергается деятельность Ю. Субоцкого, который «стремился отвлечь внимание писателей от нанесения ударов по безродному космополитизму», а также литературные критики Эрлих, Данин и др. В частности, о Данине сказано, что он «унаследовал методы оголтелых космополитов, в свое время травивших Горького и Маяковского (кто были эти космополиты?) и возвеличивавших антинародную безыдейную поэзию (в дальнейшем признанную вершиной поэзии) Б. Пастернака и А. Ахматовой (!). Весь доклад – безудержная ругань, в которой докладчик не ограничивал себя ни в малейшей степени необходимостью соблюдения хоть элементарной правды; это был не доклад, а донос, без необходимости соблюдения видимости правдоподобия и элементарного приличия, а смысл некоторых ругательных выражений может быть понятен только изобретателю их.

* * *

Всякое общественное явление имеет своих конкретных

носителей. Поэтому борьба с космополитизмом, естественно, должна была вылиться в борьбу с конкретными носителями космополитического зла. В первой фазе этой борьбы на направлении главного удара были литературные критики. Затем начались поиски признаков космополитизма в творчестве писателей и поэтов. Например, у Багрицкого в поэме «Дума про Опанаса» герой – еврей Иосиф Коган, а Багрицкий – тоже еврей. У И. Уткина в «Повести о рыжем Мотеле, раввине Исае и комиссаре Блох» само название выдает с головой национальность героя, отсюда – эти произведения признаны космополитическими. И. Эренбург писал (Новый мир. 1965. № 3. С. 123) о тех мытарствах, которые он претерпел при издании пятитомника его произведений. «Почти на каждой странице произведений, много раз до того изданных, искали недозволенное. Случайно у меня сохранилась копия письма, отправленного в высокие инстанции в январе 1953 г., – я искал защиты. Помимо различных изменений в тексте, от меня требовали переменить некоторые фамилии в повестях „День второй» и «Не переводя дыхания». Эренбурга упрекали в том, что «в обеих книгах, написанных о русском народе, который вместе с другими народами строит заводы и преобразует Север, непомерно много фамилий лиц некоренной национальности».

Следовал список семнадцати таких фамилий (из двухсот семидесяти шести) в повести «День второй» и девяти фамилий (из ста семидесяти четырех) в «Не переводя дыхания».

«Я подумал, – добавляет Эренбург, – а что делать с фамилией, которая стоит на титульном листе?» Эренбург из деликатности (а вернее всего – с оглядкой на цензора) не пишет, о какой «некоренной национальности» идет речь в требовании цензоров или редакторов книг, но это ясно из самих фамилий и из фамилии автора на титульном листе. Вся постановка вопроса о безродных космополитах, людях без рода, без племени, не имеющих родины, заключается в том, что им не дано понять творчества русских людей, русской и советской природы; они поэтому не имеют права ее касаться.

Идеологи борьбы с безродными космополитами, вероятно, запретили бы и Исааку Левитану, великому певцу русской природы, коснуться ее своей гениальной, но еврейской кистью. Не случайно, что в период борьбы с космополитизмом подверглось гонению творчество Багрицкого, Светлова, В. Гроссмана, был изгнан из Большого зала Консерватории портрет Мендельсона. Портрет этого выдающегося композитора XIX века, внесшего огромный вклад в музыкальную культуру не только своим замечательным творчеством, но и «открытием» Баха, до него малоизвестного композитора, был в настенном медальоне Большого зала вместе с другими композиторами мирового класса. «Вынос» портрета Мендельсона, украшавшего вместе с другими композиторами Большой зал Консерватории, был совершен в период борьбы с так называемым космополитизмом, бывшим словесным прикрытием самого откровенного, неприкрыто-

го антисемитизма. «Вынесли» не Вагнера, другого немецкого композитора, но яркого немецкого националиста и шовиниста, кощунственно провозгласившего гений Бетховена принадлежавшим только Германии и ей служащим. Творчество Вагнера, замечательное в музыкальном отношении, было принято на вооружение гитлеровцами, т. к. он в нем якобы прославлял музыкой истинно германский дух. «Вынесли» соотечественника Вагнера – немецкого еврея Мендельсона и заменили его Даргомыжским. Не углубляясь в сравнительную оценку творчества обоих композиторов – Мендельсона и его «сменщика», – существенно то, что при строительстве Большого зала Консерватории (в конце XIX века) общественный комитет, руководивший строительством, принял решение, что в медальонах должны быть только симфонисты (у Даргомыжского нет ни одной симфонии). Вопреки этому правилу, Мендельсона, пережившего в Большом зале Консерватории двух царей-самодержцев и царский антисемитизм, заменили Даргомыжским.

* * *

В советском обществе был накоплен многолетний опыт снятия портретов, в первую очередь – портретов провинившихся или обвиненных в каких-либо преступлениях политических и государственных деятелей. По внезапно исчезнувшим со стен портретам советские люди узнавали, что оригина-

нал тоже бесследно исчез, по меньшей мере – с политическо-го горизонта, а чаще всего – из жизни. Мендельсон не мог входить в эту категорию исчезнувших портретов. Периодически производится перетряска Досок почета на фабриках и заводах, в парикмахерских, пошивочных ателье, общественных столовых и ресторанах и т. д. Там, как известно, периодически меняется комплект фотографий передовиков производства по усмотрению «треугольника», состоящего из дирекции, партийной организации и профсоюза, и выставляется обновленная Доска почета, с которой на зрителей смотрят лица новых передовиков истекшего года. Однако в течение более полувека состав «передовиков музыкального творчества» в Большом зале Консерватории не меняется; была стабильной «Доска почета композиторов». Может быть, и здесь в середине XX века начал действовать общий принцип текучести персонажей Доски почета? Но кто были жюри периодического пересмотра сравнительной гениальности композиторов и кто из подлинных музыкальных художников согласился бы на такую роль?

По-видимому, в истории со снятием портрета Мендельсона был произвол чиновников от искусства, проявивших «здоровую советскую инициативу» на общем поприще борьбы с космополитизмом.

Просто Мендельсону не повезло: с его фамилией и его родословной эти чиновники сочли невозможным его соседство с другими русскими и иностранными великими композито-

рами во имя арийской чистоты портретной галереи композиторов.

С идеями, заложенными в борьбе с космополитизмом в Советском Союзе, удивительно совпадают соображения по национальному вопросу фашиста, зятя Гимmlера, в диалоге с советским писателем Л. Гинзбургом. Фашист изрекал: «Нация – понятие крайне сложное, включающее в себя и этнографические, и психологические, и биологические моменты. Если хотите – и расовые. С этим необходимо считаться. Я не могу, например, назвать немецким писателем человека, который пишет по-немецки, но по причинам своего происхождения и биологической организации не в состоянии выразить самый дух той нации, языком которой он пользуется... Конечно, исключения возможны, но...» Реплика Гинзбурга: «Говоря об исключениях, наверное, вы подразумеваете Гейне?» Ответ фашиста: «Гейне – явление чрезвычайно противоречивое. Уроженец Рейна, человек восприимчивый, он в большой степени усвоил признаки немецкого духа, подтверждением чего является его „Лорелея“... Тем не менее Гейне так и не смог – да и не должен был! – преодолеть свое происхождение, и те его произведения, в которых пробивается это его начало, так и остались для нас чужими... Приведу пример более мне близкий – превосходного композитора Мендельсона-Бартольди. Можем ли мы считать его превосходную музыку немецкой?»

Думаю, что ни в коем случае... Стало быть, националь-

ная культура, так же как и сама нация, не терпит никаких примесей... К какой нации человек принадлежит, определяет только состав его крови».

Какое трогательное единство идеологии оголтелого фашиста и борцов с космополитизмом!

* * *

Борьба с космополитизмом и его проявлением – «низкопоклонством перед Западом», разумеется, вышла за пределы литературной и театральной среды. Везде надо было вести эту борьбу и выявлять своих космополитов.

Антиеврейская направленность борьбы была настолько откровенной, что ее было трудно прикрыть фиговым листком советского интернационализма. Даже бытовало двустишие: «Чтоб не прослыть антисемитом, зови жида космополитом». Но непрочный фиговый листок иногда прорывался, что создавало в этих случаях нежелательную ситуацию публичного нарушения политической девственности. Так было, например, в Институте профессиональных заболеваний. Там подвергся суровой критике на ученом совете профессор-физиолог Н. А. Бернштейн, крупный ученый, автор замечательной монографии «Биомеханика движений», в которой были усмотрены патриотическими ортодоксами проявления «низкопоклонства». В защиту его от благородного негодования ортодоксов выступила молодая аспирантка, в святой про-

стоте воскликнувшая: «Это – недоразумение, ведь Николай Александрович – не еврей!» В действительности Н. А. Бернштейн – коренной русский по национальности, но с нерусской фамилией (таких в России много, ведущих свое происхождение от шведов, французов, прибалтийских немцев и др.).

Борьба с космополитизмом не имела ничего общего с теоретической принципиальной дифференциацией двух понятий: космополитизм и интернационализм. Когда-то в трудах теоретиков марксизма они мирно уживались, научно анализировались и не были в такой острой непримиримой вражде, как в описываемый период 40-х годов. В борьбу с космополитизмом с логической последовательностью вплеталась борьба с «низкопоклонством» перед Западом (перед «иностраниной», в ее жаргонном обозначении), перед его наукой, общей культурой, литературой, поэзией, искусством в его многообразных формах, и естественно, что победителем в этой борьбе была национальная русская и советская наука, культура, литература и поэзия, искусство. От тлетворного влияния Запада советские люди ограждались не только воспитательно-агитационными мероприятиями, но и системой ограничительных мероприятий для изоляции их от западных соблазнов и искушений. В эту систему включалась организованная недоступность иностранной научной и художественной литературы; изъятие из музеев шедевров западной живописи и крестовый поход на поклонников и пропа-

гандистов ее в среде советских художников; активная пропаганда музыки русских и советских композиторов в противовес музыке западных композиторов и т. д. Особенно рьяными борцами с низкопоклонством были те беспринципные и невежественные лизоблюды, которых в большом количестве расплодил сталинский режим и которые с таким же усердием разоблачали «низкопоклонников» и «низкопоклонство», поносили Запад с тем же рвением, с каким до этого (да и после этого) лизали ему пятки и менее приличные места.

Борьба с космополитизмом вылилась в борьбу за выявление приоритета русских и советских авторов в области науки, техники, прикладного естествознания. Как это знает история науки, нередко трудно установить, кто был первым, этому даже посвящена специальная книга зарубежного автора под названием – «Кто первый?». В любой области науки можно проследить лестницу идей и фактов, завершившуюся последней ступенью в виде сформулированного научного закона, развернутой научной теории, технического воплощения. Тот, кому удался синтез всего накопленного его предшественниками, тот и имеет право на творческое авторство, а не тот, кто первый высказал соответствующую идею в абстрактной или гипотетической форме. Научное предвидение, несмотря на всю его иногда колоссальную роль в развитии соответствующей области науки, все же требует творческого развития, чтобы стать открытием. Часто необходимо добросовестное научно-историческое исследование для

восстановления приоритета в тех случаях, когда он по разным причинам не был своевременно закреплен. Такой вклад в сокровищницу национальной науки должен быть внесен, как ее национальная гордость.

К сожалению, в советской медицинской и биологической науке погоня за приоритетами приняла в ряде случаев характер недостойной возни, оскорбительной для действительно огромного вклада, который внесли русские и советские ученые в мировую науку и который нигде не оспаривается, вызывая признательное восхищение. Эти соображения не были доступны беспринципным и невежественным борцам за приоритет отечественных ученых. Поскольку авторство ряда крупных исследований в восстановлении не нуждалось ввиду его полной и общепризнанной очевидности (например, И. П. Павлов), то свой пыл «квасные» патриоты направили на частные, иногда мелкие достижения, не имеющие большого значения. В своих поисках они опирались на общие приемы борьбы с космополитизмом и «низкопоклонством», и поддержкой им были установки временщика Лысенко на игнорирование «разлагающейся буржуазной науки».

Оторванное от мировой науки поколение медиков и биологов варилось в собственном соку и в соку невежества. Для наиболее же пронырливых деятелей массовый отрыв от зарубежной литературы облегчал использование ее для скрытого плагиата и выдачу его за оригинальное исследование. Так борьба с низкопоклонством и за приоритеты давала не

только ореол патриотического борца, но была и меркантильно выгодной.

* * *

Борьба с космополитизмом с ее идеологической и политической платформы, разумеется, перешла и на платформу организационную. В московских медицинских вузах она была реализована в массовом изгнании профессоров и преподавателей еврейской национальности. Во 2-м Московском медицинском институте были уволены профессора Э. М. Гельштейн, И. И. Фейгель, Я. Г. Этингер, А. М. Гринштейн, А. М. Геселевич и другие. Все они – известные ученые и специалисты. Все упомянутые, кроме Геселевича, были арестованы по «делу врачей». Процедура увольнения и поводы к ней были стереотипными. Назначалась комиссия, обследовавшая работу кафедры и клиники, руководимой этими профессорами, с посещением лекций этого профессора. Разумеется, комиссия обнаруживала ряд крупнейших дефектов в работе этого профессора, выводы комиссии обсуждались на ученом совете института или только в партийной организации (если профессор был членом КПСС), после чего выносилось решение об увольнении профессора. Иногда председатель «разгромной» комиссии или активный ее деятель был лично заинтересован в изгнании зав. кафедрой, поскольку ему было обещано, что он будет ее наследником. Вообще

же изгнание евреев-профессоров из медицинских вузов открыло неожиданный легкий путь к кафедрам многим бездарным тупицам, прозябавшим около науки без надежды на ее признание. Научная активность для них была бесперспективной, ведь здесь требуются способности. Проще было использовать свою политическую локтевую активность, патристически направленную против космополитов; она была беспроектной по результатам. Высшее руководство имело представление о том, как массовое увольнение опытных педагогов и ученых-медиков отразится на педагогическом, лечебном и научном процессе. Но оно, не скрывая этого, смотрело на это, как на необходимую острую болезнь, которой надо переболеть во имя светлого будущего медицинских вузов Москвы, Ленинграда и крупных центров без евреев. Сами же преемники вакантных мест без страха и сомнения занимали их. Они были убеждены в том, что ум присваивается вместе с должностью. Этот принцип, сформулированный великим русским сатириком, они приняли всерьез, как догму и как руководящее жизненное правило.

Процедуру изгнания человека из той области, в которую он вложил весь свой талант ученого и педагога, могу иллюстрировать изгнанием моего близкого друга Э. М. Гельштейна.

Э. М. Гельштейн являлся одним из типичных представителей того поколения медицинских работников, которое активно участвовало в становлении советской медицины в ее

практической и научной части, в подготовке и воспитании кадров врачей, покрывших себя славой в Великую Отечественную войну.

Э. М. Гельштейн быстро выдвинулся в первые ряды творческой медицинской молодежи, и не было ничего неожиданного в том, что коммунисту Э. М. Гельштейну в 1931 году (ему было в это время 34 года) было предложено занять кафедру терапии и факультетскую терапевтическую клинику во 2-м Московском медицинском институте. В течение 21 года с перерывом в период Великой Отечественной войны он с блеском руководил этой кафедрой, проявив талант педагога и организатора научного и лечебного процесса. Во всех этих областях его работа неоднократно получала одобрение с разных сторон. К началу Отечественной войны Э. М. Гельштейн имел прочно сложившуюся репутацию выдающегося ученого-клинициста. Он был первым крупным советским ученым-медиком, в первые же дни Отечественной войны он одновременно со мной заявил о желании добровольно вступить в Советскую Армию. Он получил назначение на Ленинградский фронт на должность главного терапевта фронта.

Конец ознакомительного фрагмента.

Текст предоставлен ООО «ЛитРес».

Прочитайте эту книгу целиком, [купив полную легальную версию](#) на ЛитРес.

Безопасно оплатить книгу можно банковской картой Visa, MasterCard, Maestro, со счета мобильного телефона, с платежного терминала, в салоне МТС или Связной, через PayPal, WebMoney, Яндекс.Деньги, QIWI Кошелек, бонусными картами или другим удобным Вам способом.